

М. И. Дараган

"Гроза" (драма г-на Островского)

Драма А. Н. Островского "Гроза" в русской критике

Сб. статей / Сост., авт. вступ. статьи и комментариев Сухих И. Н.-- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.-- 336 с.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Приступая к обзору "Грозы" Островского как драмы, мы замечаем прежде всего, что основная идея пьесы есть та идея, которой проникнуты все произведения г. Островского: ненависть к самодурству, горький протест свободного духа против отсутствия в нас уважения к собственному достоинству, к своей личности, негодование к рабству нашего духа, к закоснелости нашего невежества. Признавая идею эту достойною развития в драме, дающей ей богатое содержание, мы должны рассмотреть, в какой степени поэт успел развить ее.

В "Грозе" мы видим, как особенность против других пьес г. Островского, желание очистить себя раз навсегда от упрека в обскурантизме,¹ приписанном ему в последнее время некоторыми критиками. Это поэтический ответ его клеветникам, желающим заподозрить чистоту его намерений и просвещенный взгляд его на жизнь. Такой упрек ставил его некоторым образом в исключительное положение, тем более, что самые ценители его произведений как бы устраниают его самого от участия в том смысле, который выходит сам собою, бессознательно со стороны автора, из его произведений. Ему хотелось, очень натурально, обнаружить более явно свое собственное мирозерцание, свое воззрение на среду, им изображаемую, чтобы раз навсегда прекратить эти толки. Так нам показалось, по крайней мере, когда мы смотрели "Грозу". Теперь уже нельзя более сомневаться, что автор ненавидит самодурство. Все действующие лица, даже все эти забытые натуры Катерин, Варвар, Тихон Ивановичей, Борисов Григорьевичей, приходят к сознанию, отчего они так дурны, и прямо называют виновника зла -- самодурство. Автор так боялся, что критики, а за ними и публика опять его не поймут, что решился вставить в речи своих действующих лиц сентенции, нежели навлечь на себя новый упрек в обскурантизме. Он хотел обнаружить зло так ярко, что не остановился перед трагической развязкой, в первый раз являющейся у нас на сцене, после долгого, очень долгого времени. Сочувствуя исключительному положению автора, мы признаем справедливость принятой им инициативы и обвиняем скорее публику, нежели его, за сентенции, встречаемые в пьесе. Что ж делать, если не понимают? -- Надо объяснить. И мы уверены вместе с автором, что теперь никто не скажет, из видевших "Грозу", что патриархальная жизнь хороша, что в ней есть хоть какая правда. Это большая, большая заслуга.

После этого нам понятно, что автор опять взял одну и ту же, свою любимую идею, развиваемую им постоянно во всех почти произведениях; опять взял купеческий быт, где корни патриархального быта росли глубже и плоды выказываются ярче. Это было с его стороны тем более кстати, что критик "Современника" г. --бов только что осветил своим глубоким и верным взглядом произведения г. Островского (в июне и сентябре).² Критика эта была прочитана всеми, кто только читает. Как будто повязка спала с глаз публики; надо было дать новую пьесу новой публике, такую пьесу, на которой каждый мог бы проверить и замечательные положения г-на --бова и свое собственное впечатление. И в самом деле, было так интересно видеть, как с первого же представления все ясно поняли идею пьесы и были очень довольны автором и самими собою. Трудно ожидать более полного успеха, не пустого театрального успеха, которым пользовались и "Скопин-Шуйский", и "Рука Всевышнего", и "Уголино", и "Приемыш", а успеха серьезного, оставившего впечатление в уме, воображении и сердце зрителя, успеха, который рано или поздно, мы уверены, отразится на самих нравах.

Сознание причины зла, к которому здесь уже приходят забытые натуры темного царства, вышло в особенности многозначительно. Кроме того, что такой прием был действительно необходим, как мы уже заметили, для уяснения самой публике смысла пьесы, он сделал эти несчастные натуры более интересными, и, что самое главное, он выразил действительное состояние нашего общества в настоящую минуту. Забытые, загнанные начинают понимать не только свое положение, но еще и сознают причину своего унижения. Шаг огромный на пути к прогрессу. Весьма резко бросается в глаза еще то, что самодуры, напротив того, остаются в совершенном неведении, ни относительно самого зла, ни причин его, ни того, что причины эти начинают разгадываться людьми, угнетенными их деспотизмом. Драма эта, если посмотришь на нее с этой точки зрения, становится страшною, и, конечно, перестает быть